УДК 327.56(5-15)
EDN: XANSFN
DOI: http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran42026716

НОВЫЙ ВИТОК БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ГЕОПОЛИТИКИ: ВЗГЛЯД ИЗ ЕВРОПЫ

Александр Иванович Шумилин

ИЕ РАН, Москва, Россия, e-mail: mideast@bk.ru, ORCID: 0000-0003-1778-4828

Ссылка для цитирования: Шумилин А.И. Новый виток ближневосточной геополитики: взгляд из Европы // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2026. № 4. С. 7–16. DOI: 10.15211/vestnikieran42026716

Аннотация. *В статье рассматривается трансформация военно-политической ситуации на Ближнем Востоке, в Персидском заливе и Юго-Западной Азии на фоне сохраняющейся напряжённости вокруг Ирана. Заключённый 7 августа 2026 г. «тройственный пакт» между Саудовской Аравией, Турцией и Пакистаном (Мекканское соглашение о совместной обороне, МССО)[1] даёт импульс новым тенденциям не только в самом ближневосточном регионе, но и в соседних с ним Средиземноморье, Северной Африке и Юго-Западной Азии. Формально заявленный как военный союз, на деле он пока таковым не является, поскольку ещё не сформирована адекватная инфраструктура. Однако подтверждённая участниками готовность координировать свои военные потенциалы не может не оказывать влияния на расклад сил прежде всего в ближневосточном регионе (включая Персидский залив). Примечательно и то, как давние соперники – Эр-Рияд и Анкара – превращаются в геополитических партнёров. Автор статьи рассматривает МССО ещё и как некую «исламскую» альтернативу «Соглашениям Авраама», что обозначает новые линии размежевания на Ближнем Востоке. В Брюсселе с осторожностью воспринимают появление нового регионального альянса, поскольку он в перспективе может не только кратно усилить роль Турции в НАТО и системе европейской безопасности, способствовать усилению влияния Китая (через Пакистан), но и привести к корректировке традиционных линий ближневосточной политики стран Старого Света.*
Ключевые слова: *Мекканский пакт, оборонная инициатива, Саудовская Аравия, Турция, Пакистан, Эрдоган, Восточное Средиземноморье, Израиль, Иран.*

Статья поступила: 29.09.2026; после доработки: 01.10.2026; принята к печати: 05.10.2026.

A NEW PHASE IN THE MIDDLE EAST GEOPOLITICS: A EUROPEAN PERSPECTIVE

Alexander I. Shumilin

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
e-mail: mideast@bk.ru, ORCID: 0000-0003-1778-4828

© Шумилин А. И. – д.полит.н., г.н.с., руководитель Центра «Европа – Ближний Восток» Отдела европейской безопасности ИЕ РАН, главный редактор «Научно-аналитического вестника ИЕ РАН».

[1] Англ. *The Mecca Joint Defence Agreement (Mecca Pact).*

To cite this article: Shumilin, A.A. (2026). A new phase in the Middle East geopolitics: a European perspective. Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN 52(4): 7–16. (in Russian). DOI: 10.15211/vestnikieran42026716

Abstract. *This article examines the transformation of the military-political situation in the Middle East, the Persian Gulf, and Southwest Asia against the backdrop of persistent tensions surrounding Iran. The "tripartite pact" concluded on August 7, 2026, between Saudi Arabia, Turkey, and Pakistan – known as the Mecca Joint Defense Agreement (MJDA) – is driving new trends not only within the Middle East itself but also in neighboring regions, including the Mediterranean, North Africa and Central Asia. Although formally designated as a military alliance, it does not yet function as one in practice, as the necessary infrastructure has not yet been established. Nevertheless, the participants' confirmed readiness to coordinate their military capabilities inevitably influences the balance of power, particularly in the Middle East (including the Persian Gulf). It is also noteworthy how Riyadh and Ankara are transforming into geopolitical partners after having been longstanding rivals in the region. The author further views the MJDA as an "Islamic" alternative to the Abraham Accords, marking new fault lines in the Middle East. Brussels views the emergence of this new regional alliance with caution; in the long term, it could not only significantly boost Turkey's role within NATO and the European security architecture and facilitate greater Chinese influence (via Pakistan) but also lead to a recalibration of the traditional Middle East policies pursued by European nations.*

Key words*: Mecca Pact, defense initiative, Saudi Arabia, Turkey, Pakistan, Erdoğan, Eastern Mediterranean, Israel, Iran.*

Article received: 81.08.2026; revised: 01.10.2026; accepted: 05.10.2026.

На протяжении двух месяцев, последовавших за подписанием тройственного соглашения, в оценках этого события повсеместно бытовало мнение, что таким образом страны-участницы (прежде всего Саудовская Аравия и Турция) выразили своё разочарование политикой Соединённых Штатов, которые не смогли вопреки обязательствам обеспечить безопасность своих ближневосточных союзников в ходе недавних военных действий против Ирана. Более того, многие аналитики полагают, что речь может идти о проявлении недовольства, в частности, Эр-Рияда и Анкары самóй якобы «израилецентричной» стратегией Вашингтона, хотя американский президент Дональд Трамп на словах поддержал инициативу трёх крупных исламских государств, поздравив их лидеров с «большим успехом» (Trump "very happy"… 2026). Что и понятно: она на данном этапе заметно направлена прежде всего против Ирана, хотя текст соглашения не был опубликован на протяжении двух месяцев после подписания и его оценивают по отдельным высказываниям в странах – участницах пакта.

Формально появление МССО трактуется экспертами как стремление региональных грандов делать ставку на собственные силы, а не на глобальные державы, что звучит нейтрально, камуфлируя скрытую критику в адрес Вашингтона. Однако какими кульбитами может обернуться «исламская геополитика» в дальнейшем – сегодня вряд ли кто в состоянии предсказать. Неудивительно, что оценка европейских экспертов и политиков выглядит более сдержанной, чем президента США: так, отвечая на вопрос популярного портала *Euroactiv* о МССО, представитель Еврокомиссии предпочёл подчеркнуть значимость взаимодействия ЕС с арабскими монархиями Персидского залива, включая сферу обороны и безопасности, а нена-

званный европейский дипломат сказал, что создаваемая новая региональная архитектура безопасности «обнажает отсутствие доверия (стран – подписантов МССО – А.Ш.) к американским гарантиям, но может также представлять собой потенциальную форму сдерживания перед лицом устанавливающейся военной гегемонии Израиля в регионе» (Brussels smiles on Turkey's… 2026). Такие оценки появляются в европейских медиа несмотря на то, что турецкий лидер Реджеп Тайип Эрдоган настойчиво отрицает потенциальную направленность мусульманского пакта как против Ирана, так и против Израиля (Türkiye rejects East-West… 2026).

Мекканский пакт и «Соглашение Авраама»: региональное партнёрство или соперничество?

Появление тройственного альянса крупнейших суннитских государств стало, судя по всему, одним из прямых результатов боевых действий США и Израиля против Ирана. Этот вывод напрашивается, если принять во внимание три следующих аспекта. *Первый*: мощные бомбардировки нанесли серьёзный ущерб экономике, инфраструктуре и ядерному потенциалу Ирана, но не смогли обеспечить смену режима в этой стране, что означает ограниченность возможностей самых современных конвенциональных вооружений для достижения далеко идущих военно-политических целей. *Второй*: американо-израильские атаки выявили существенно бóльший военный потенциал Исламской Республики, чем его оценивали западные эксперты, и способность режима оказывать сопротивление не только экономическими, но и военными средствами. *Третий*: иранские контратаки обозначили уязвимости в структурах обороны ближайших партнёров Соединённых Штатов – арабских монархий Залива. По сути, не сработал американский «зонтик безопасности», на который рассчитывали королевства и княжества региона. Стало очевидным, что в обозримой перспективе им придётся по-прежнему соседствовать с Ираном под управлением всё того же военно-религиозного руководства.

Подписанное 7 августа 2026 г. в священном для мусульман городе Мекка трёхстороннее соглашение призвано стать основой новой архитектуры региональной безопасности, в рамках которой количественное и качественное соотношение сил явно не в пользу Ирана. Пакт заявлен как оборонительный – и действительно, трудно себе представить, чтобы Саудовская Аравия, Турция или Пакистан инициировали бы боевые действия против Исламской Республики. Главный посыл «суннитской тройки» шиитскому режиму в Тегеране прочитывается вполне внятно: агрессивные действия в отношении них получат мощный отпор региональными силами, поскольку в соглашении присутствует статья (по типу п. 5 Договора НАТО) о том, что нападение на одну из стран-подписантов влечёт обязательство двух других выступить в защиту жертвы агрессии. Это и должно стать главным инструментом сдерживания Тегерана.

Инициаторы тройственного альянса небезосновательно полагают, что «устрашающее воздействие» на шиитский режим будет оказывать сочетание трёх впечатляющих потенциалов: Турции с её современной и хорошо вооружённой (по стандартам НАТО) армией, с самым развитым в исламском мире военно-промышленным комплексом; Пакистана с его военной инфраструктурой, но главное – с ядерным оружием; Саудовской Аравии с её, как считается, безграничными финансовыми возможностями и впечатляющими запасами современных вооружений. Расчёт участников МССО выглядит вполне обоснованным, но при одном непременном условии: достаточно высокой степени сплочённости и координации действий. Будет ли она продемонстрирована на практике в случае необходимости – это всегда остаётся вопросом без ответа на стадии формирования подобных альянсов.

Важно подчеркнуть, что вышеперечисленные факторы, проявившиеся в результате бое-

вых действий против Ирана, вынудили страны «тройки» отодвинуть на задний план противоречия, которые характеризовали их взаимоотношения на протяжении последних десятилетий. Так, Эр-Рияд и Анкара длительное время соперничали в вопросе о роли политико-религиозных группировок «Братьев-мусульман» в общественно-политическом пространстве не только Ближнего Востока, но и стран Европы, конкурировали за лидерство в мусульманском мире в целом (Шумилин 2021). А Анкара и Исламабад поддерживали противостоявшие друг другу формирования в ходе гражданской войны в Афганистане (Tanrisever 2013: 157). Наличие общей угрозы в лице Ирана, как видно, развернуло многие из прежних геополитических установок подписантов МССО. Отныне они обязались стабилизировать положение в регионе посредством координации своей политики, тесного взаимодействия путём обмена информацией, углубления сотрудничества в военно-промышленной сфере и создания совместных оборонительных структур.

Анализируя ставшие известными положения договора о МССО, одни аналитики склонны проводить параллели с Североатлантическим блоком (НАТО), другие – с Багдадским пактом (The Mecca Pact… 2026), формально просуществовавшим с 1955 по 1979 гг. (СЕНТО)[1]. На наш взгляд, однако, говорить можно лишь о сходстве отдельных характеристик упомянутых структур: например, о заимствовании подписантами МССО 5-й статьи Устава НАТО или участии в СЕНТО Турции и Пакистана. Принципиально же другое: участникам СЕНТО никто не угрожал, а изначально блок мыслился его организаторами как продолжение НАТО в южном подбрюшье Советского Союза, как «оборонительная конструкция» против влияния Москвы на регионы Ближнего Востока и Южной Азии в соответствии с рекомендациями, изложенными в 1946 г. Джорджем Кеннаном в его знаменитой «Длинной телеграмме» (The Charge in the Soviet Union… 1946). Великобритания стала непосредственным участником этого восточноазиатского блока, а США предпочли формально оставаться в стороне – в качестве наблюдателя. Несмотря, однако, на пристальное кураторство со стороны Вашингтона и Лондона, со временем интересы практически всех локальных государств начали расходиться. Примечательно, что первым в 1959 г. покинул Багдадский пакт именно Ирак, в столице которого и были заложены основы данной военно-политической организации.

МССО рождается на наших глазах в принципиально иных условиях, чем когда-то Багдадский пакт, хотя турецкий президент Р.Т. Эрдоган и назвал его «дополнением к НАТО», видимо, чтобы объяснить своим партнёрам по Североатлантическому альянсу факт участия Анкары в двух военных группировках (Türkiye rejects East-West… 2026). Каждое из трёх государств-подписантов (к участию в блоке приглашены и другие страны региона) ищет способ укрепить свои геополитические позиции прежде всего потому, что основательно погружено в длительные конфликты на своих границах: Пакистан – с Индией; Турция – с курдскими формированиями; Саудовская Аравия – с йеменскими хуситами, а теперь и с эпизодическими военными столкновенисми с Ираном. Все три страны объединяет восприятие обнаружившегося в результате американо-израильских ударов ракетного потенциала Исламской Республики как фундаментальной угрозы (с учётом количества и качества баллистических ракет). Напомним, что главной причиной настороженности, опасений и неприятия руководством суннитских стран МССО Ирана была и остаётся его религиозно-политическая экспансия в регионе («доктрина Хомейни»), осуществляемая под предлогом «защиты ущемлённых в правах шиитов» и борьбы за «очищение ислама от западной скверны» (Шумилин 2022). Следова-

[1] Англ. *CENTO – Central Treaty Organisation* (Организация центрального договора) В основе договора СЕНТО лежал заключённый в феврале 1955 г. военный пакт между Турцией и Ираком, к которому постепенно в тот же год присоединились Великобритания, Пакистан и Иран.

тельно, главный импульс создания организации – реакция суннитской «тройки» на внутрирегиональную угрозу, а не на навязанный США и Европой «призрак коммунизма», как это было в случае с СЕНТО.

Подписание Мекканского соглашения в нынешних условиях вполне может трактоваться и как некое дистанцирование трёх мусульманских грандов от Соединённых Штатов (не путать не только с разрывом, но и с ослаблением связей с Вашингтоном, чего все они хотели бы избежать). И, разумеется, МССО выглядит как альтернатива «Соглашениям Авраама» – важнейшему политическому достижению обеих администраций Д. Трампа на Ближнем Востоке. Фактически мекканская «тройка» проложила линию раздела в преимущественно мусульманском регионе на всё той же антииранской основе, но с акцентом на традиционно критическое отношение к Израилю и политике его руководства (главным образом касательно происходящего в секторе Газа). В случае возможного присоединения Египта к МССО эта структура, несомненно, станет важным политическим фактором в регионе – даже если провозглашённая координация в военной сфере не будет происходить предполагаемыми быстрыми темпами. Заметим, что создание постоянного секретариата в Эр-Рияде и назначение генерального секретаря организации (пакистанец) произошли только 31 августа. В целом главный военно-политический вопрос сегодня сводится к следующему: готовы ли страны МССО оппонировать «Соглашениям Авраама», а если готовы, то в каком тоне – жёстком или относительно мягком.

Неудивительно, что уже спустя полтора месяца после подписания Мекканского пакта обозначилось соперничество между этой нарождающейся структурой и участниками «Соглашений Авраама». 24 сентября 2026 г. на полях Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке прошло первое после трагедии 7 октября 2023 г. (нападения экстремистской группировки ХАМАС на мирных израильских граждан) заседание высоких представителей ОАЭ, Израиля, Бахрейна и Марокко при участии заместителя госсекретаря США Элисона Хукера. Оно было призвано послать сигнал о том, что этот пакт, основанный на идее сотрудничества мусульманских стран с Израилем, не только сохраняет устойчивость и жизнеспособность в условиях ближневосточной турбулентности, но и расширяется: впервые в заседаниях данной структуры принял участие представитель Казахстана. «Мы рассматриваем соглашения как платформу для укрепления политического диалога на Ближнем Востоке и в соседних регионах за счёт расширения торговли и инвестиций, укрепления связей, развития технологического сотрудничества и создания реальных экономических возможностей», – заявил в интервью телекомпании *CBS News* посол Казахстана при ООН Ержан Казыхан (Abraham Accords countries… 2026).

Участники ближневосточной встречи в Нью-Йорке явно старались избегать в своих заявлениях и высказываниях упоминания Мекканского соглашения с отрицательной стороны. На данный момент оба пакта сосуществуют в регионе без заметной критики в адрес друг друга. Сигнал же о готовности к прагматичному сосуществованию и определённой координации действий в ближайшем будущем (в частности, против Ирана) мекканцам послан авраамистами. Теперь о соотношении сил и потенциалов двух пактов можно будет судить по числу мусульманских стран, которые пожелают присоединиться к каждому из них.

МССО открывает «южный фронт» для Европы?

В Брюсселе рассматривают создание МССО не только как значительное событие для Ближнего Востока, но и для системы безопасности в Европе, где растущую роль играет Турция. В этой связи там недовольны тем, что Р.Т. Эрдоган не проинформировал руководство Евросоюза о намерении присоединиться к Мекканскому пакту, а поставил ЕС перед фактом – вопреки правилам поведения лидера страны – кандидата в это сообщество, которая должна

по-степенно адаптироваться к общей политике обороны и безопасности (Brussels smiles on… 2026). Примечательно, что в сентябре 2026 г. греческий депутат Европарламента Николас Фарантурис потребовал от ЕС разъяснений относительно того, какое влияние МССО может оказать на безопасность Европы. «Мы требуем незамедлительной информации и чётких ответов», – написал он в своём обращении к главе внешнеполитического ведомства ЕС Кае Каллас (EU lawmaker demands… 2026).

Однако позиция Эрдогана в этом случае не должна удивлять, считает индийский исследователь Вас Шеной, поскольку она находится в русле проводимой им политики. «Турция не желает выходить из НАТО, – пишет эксперт, – но она также не хочет, чтобы её внешняя политика определялась руководством этого блока. Турция хочет оставаться внутри западного альянса, но при этом выстраивать свою независимую и влиятельную линию в таких сферах, как политика, экономика и оборона. Нередко такая политика Анкары противоречит Евросоюзу» (Shenoy 2026). Между тем, считают эксперты, Эрдоган усматривает в МССО нечто большее, чем обычный военно-политический альянс, а именно – перспективу формирования оборонно-промышленного партнёрства: саудовский капитал, турецкие военные технологии и разработки объединяются с пакистанской военной мощью.

Сдержанно-обтекаемая реакция европейских политиков на появление нового военного образования вблизи границ Старого Света свидетельствует об их очевидной озабоченности. Прежде всего, это связано с перспективой потенциального усиления турецкого влияния в Восточном Средиземноморье, где Анкара придерживается своей доктрины «Голубой Родины», воспринимаемой Грецией и Республикой Кипр как прямой вызов в свой адрес (Мудурос 2021). Напомним, что морское соглашение с Ливией, в котором прописан т.н. «турецко-ливийский коридор», трактуется в ЕС как попытка Анкары перекроить карту Восточного Средиземноморья в ущерб Греции. «Непосредственная угроза, – пишет В. Шеной, – не в том, что Пакистан вдруг направит свои подразделения в Эгейское море, а Саудовская Аравия вовлечётся в конфликт с Грецией. Подобная интерпретация Мекканского соглашения выглядит абсурдной. Главный вопрос в другом: не прибавит ли новый военный альянс самоуверенности Турции в проведении ею политики, которая и без того уже во многом расходится с позицией европейских государств» (Shenoy 2026).

Возвращаясь к Ливии, следует подчеркнуть, что стратегически и исторически эта страна находилась в сфере интересов Италии. Но своим военным вмешательством в 2020 г. Турция предотвратила падение правительства в Триполи во время наступления оппозиционной армии Халӣфы Хафтара. И сегодня турецкие подразделения, советники, базы беспилотных летательных аппаратов и военная инфраструктура составляют основу системы обороны и безопасности официальной ливийской власти. Примечательно, что при этом, по имеющимся сведениям, Анкара постепенно налаживает контакты с Х. Хафтаром. В случае успеха Турция может стать единственной страной, способной взаимодействовать с обоими центрами силы в Ливии. Такое развитие событий чревато прямыми последствиями не только для Италии, но и для всего Старого Света. Напомним, что Ливия остаётся для Европы и важным поставщиком углеводородов, и одним из главных источников миграционного давления. Немало экспертов полагают, что тот, кто оказывает наибольшее воздействие на положение дел в Ливии, становится наиболее влиятельным в Центральном Средиземноморье.

Евросоюз уже испытал на себе способность Эрдогана использовать миграционные проблемы в качестве инструмента внешней политики. Турецкий же президент, в свою очередь, навязчиво демонстрировал понимание уязвимости Европы и её зависимости от Анкары в период миграционного кризиса, вызванного потоками беженцев из Сирии в ходе гражданской

войны в этой стране («Мекканское соглашение демонстрирует… 2026).

Собственно Сирия, расположенная на пространстве под историческим названием Левант (в традиционной трактовке включает в себя Сирию, Ливан, Иорданию и Израиль), становится ярким примером изменения баланса сил в этой части ближневосточного региона после падения режима Башара Асада. На протяжении десятилетий власти Исламской Республики Иран (ИРИ) выстраивали коридор через Ирак и Сирию с целью оказания всесторонней поддержки своему сателлиту – военно-политической организации «Хезболла» в Ливане. Перемены в Дамаске, однако, подорвали существовавшие балансы сил, открыв перспективу для наращивания там влияния Турции. По мнению аналитиков, Анкара сегодня во многом определяет положение дел в этой арабской стране. Показательно и то, что в текущем году сирийские и ливийские подразделения приняли участие в военных манёврах на территории Турции под названием *EFES-2026*: тем самым Эрдоган явно стремился показать, что Турция находится в центре новой системы региональной безопасности. Заметим, что в Израиле рассматривают растущее военное присутствие Турции в Сирии как потенциальную угрозу. Именно в этом контексте следует расценивать налеты израильской авиации на сирийскую авиабазу Абу ад-Духур (Israeli airstrikes hit... 2026).

Особое внимание в этом контексте привлекают к себе процессы, происходящие в Ливане, избавившемся от многолетнего «покровительства» Сирии и проходящем через стадию заметного сокращения там влияния Ирана. Поскольку Анкара не в состоянии «перехватить контроль» Тегерана над шиитской «Хезболлой», всё ещё остающейся преобладающей военной силой в стране, она существенно усилила активность своих сторонников в суннитской среде Страны Кедра, сочетая эту тактику с наращиванием гуманитарной и экономической помощи и апеллируя к традиционно дружественным отношениям, сложившимся во времена Османской империи. Но значительной активностью в суннитской среде Ливана отличалась в последние десятилетия и политика Саудовской Аравии. С учётом сегодняшних заявлений Эр-Рияда и Анкары об их стратегическом согласии можно предположить, что суннитский компонент в экономике и политике Страны Кедра будет усиливаться, постепенно сокращая роль шиитского. С одной стороны, это будет означать постепенное ослабление позиции Ирана в Леванте, а с другой – значительное усиление «суннитской оси Анкара – Эр-Рияд». С этим геополитическим новшеством будет вынуждено считаться руководство Евросоюза.

Прежде всего Брюссель должен будет снижать существующую напряжённость в отношениях с Анкарой, поскольку Турция становится тяжеловесом в силу своей «двойной лояльности» – как член НАТО и Мекканского пакта одновременно. Неудивительно, что и в штаб-квартире Североатлантического альянса на данный момент воздерживаются от оценок новой мусульманской военно-политической структуры в регионе, непосредственно соседствующим с Европой. Ведь противоречия и напряжённость в отношениях между Турцией и Грецией всё ещё не преодолены, а значит – сохраняется возможность новых обострений в этой части Европы. Ущемлённой в военно-политическом плане склонна считать себя и Италия. Как бы то ни было, но Восточное Средиземноморье вновь, как и в середине прошлого столетия (Шумилин 2025), становится зоной повышенной конкуренции и соперничества не только региональных, но и глобальных акторов. Россия присутствует в Ливии и урегулировала проблему своих баз в Сирии. Китай основательно инвестировал в развитие портов и коммерческой инфраструктуры во всём Средиземноморье. Арабские монархии Залива также наращивают свои инвестиции в этом районе, начиная играть там заметную политическую роль. Израиль продемонстрировал свою решимость использовать военную силу на пространстве Леванта и заметное военное превосходство в регионе в целом. Турция оказывает существенное военное и по-

литическое влияние на пространстве от Кавказа через Сирию и Ливию, объективно проецируя своё влияние на юго-восток Европейского континента, получая при этом поддержку других подписантов Мекканского соглашения – Саудовской Аравии и Пакистана.

«На протяжении десятилетий Европа могла исходить из того, что система безопасности в Средиземноморье в конечном счёте гарантируется Соединёнными Штатами и НАТО. Однако поддерживать эту уверенность становится всё труднее. Европа потратила миллиарды на укрепление своих восточных границ перед лицом российской угрозы. Теперь она должна нейтрализовать угрозу с юга», – считает вышеупомянутый В. Шеной. По мнению руководства турецкого аналитического центра *Anatolian Defence Diplomacy Review*, уже видны некоторые фундаментальные изменения в отношениях между Турцией и Евросоюзом, вызванные Мекканским пактом. Процитируем вывод из опубликованного 17 августа 2026 г. аналитического материала под названием «Мекканское соглашение демонстрирует изменение стратегической позиции Турции»: «В Европе Турция больше не рассматривается исключительно как страна, контролирующая миграцию, обеспечивающая транзит энергоносителей или защищающая юго-восточный фланг НАТО. Анкара выступает в роли субъекта, способного выстраивать собственные отношения и механизмы безопасности в зоне, простирающейся от Восточной Европы до Персидского залива и от Чёрного моря до Восточного Средиземноморья. Таким образом, вопрос об отношениях между Европой и Турцией также меняется: если раньше дискуссия в основном вращалась вокруг того, насколько Турция нуждается в Европе, то в новой обстановке в сфере безопасности всё большее значение приобретает вопрос о том, в каких областях и в какой степени Европа нуждается в Турции» («Мекканское соглашение демонстрирует… 2026).

По словам Р.Т. Эрдогана, присоединением к Мекканскому пакту Турция не закрыла дверь для членства в ЕС, но «Европейский союз больше не является для Турции приоритетом», а если Союз продолжит не допускать Турцию в свои ряды, проигравшей окажется Европа, а не Турция» («Мекканское соглашение демонстрирует… 2026).

* * *

Инициатива трёх мусульманских грандов создать военно-политический альянс, спешно перечеркнув имевшиеся ещё недавно между ними расхождения, свидетельствует об их озабоченности ситуацией в сфере безопасности, сложившейся в регионе Персидского залива после интенсивных американо-израильских атак на военные объекты и инфраструктуру Ирана. Эти атаки выявили масштаб ракетно-дронового потенциала Исламской Республики, который превысил расчёты региональных и западных военных аналитиков. Прояснилась и тактика правящих групп в Тегеране – наносить ответные удары по территории арабских соседей, включая их энергетические и туристические объекты там.

Одновременно стала очевидной неспособность военно-воздушной армады США в регионе не только принудить руководство Ирана к капитуляции, но и обеспечить устойчивую безопасность судоходства в крайне чувствительных для мировой экономики Ормузском и Баб-эль-Мандебском проливах. Разочарованы арабские монархии Залива, как, впрочем, и Израиль, ещё одним очевидным фактом: они вряд ли могут впредь полностью полагаться только на американскую мощь для обеспечения безопасности в регионе в силу отчётливо проявившихся внутриполитических ограничителей для действий Белого дома и Пентагона в Персидском заливе (среди них и сроки ведения военной операции без одобрения конгресса, скачкѝ потребительских цен на топливо внутри США, но самое главное – предстоящие в ноябре этого года промежуточные выборы).

Провозглашение создания МССО – это, по сути, попытка трёх суннитских региональных держав продемонстрировать готовность сделать ставку на собственные силы в их противостоянии прежде всего Ирану. Впрочем, возможно, что и не только ему, но и Израилю, чтобы не допустить утверждения военно-технического доминирования еврейского государства в регионе, как это воспринимается наблюдателями сегодня. Неслучайно, что подписанты мекканского соглашения приняли решение не придавать гласности его текст. Примечательно, что наибольший поток информации о договорённостях в Мекке появляется через турецкие СМИ. Априори, на наш взгляд, Анкару можно считать самым очевидным выгодополучателем тройственного пакта, поскольку при любом сценарии развития МССО (экстенсивном, интенсивном или замедленном) эта структура сама по себе придаёт дополнительный военно-политический вес Турции в плане её влияния на соседние с ней регионы. И прежде всего – на Восточное Средиземноморье, где сохраняется и время от времени обостряется напряжённость в отношениях Турции с Грецией. Именно это обстоятельство с озабоченностью воспринято в Брюсселе, где многие склонны рассматривать появление МССО как возможный новый рычаг давления на Евросоюз с целью ускорить принятие Турции в свои ряды.

Список литературы / References

Abraham Accords countries hold first official meeting since Oct. 7 attacks. CBS News. 25.09.2026. Available at: https://www.cbsnews.com/news/abraham-accords-countries-hold-first-official-meeting-since-oct-7-attacks/ (accessed 29.09.2026).

Brussels smiles on Turkey's "Mecca" defence pact despite Chinese espionage fears. Rapporteur. 02.09.2026. Available at: https://www.euractiv.com/news/brussels-smiles-on-turkeys-mecca-defence-pact-despite-chinese-espionage-fears/ (accessed 29.09.2026).

EU lawmaker demands answers on Turkey-Saudi-Pakistan defence pact. The Brussels Times. 23.09.2026. Available at: https://www.brusselstimes.com/2330279/eu-lawmaker-demands-answers-on-turkey-saudi-pakistan-defence-pact (accessed 29.09.2026).

Israeli airstrikes hit Syrian airbase, drawing Turkish condemnation. Reuters. 18.08.2026. Available at: https://www.reuters.com/world/middle-east/eight-israeli-airstrikes-hit-syrias-abu-al-duhur-airbase-no-casualties-state-tv-2026-08-18/ (accessed 29.09.2026).

Shenoy, V. (2026). The Mecca Agreement and Europe's New Southern Front. The Times of Israel. 2026. Available at: https://blogs.timesofisrael.com/the-mecca-agreement-and-europes-new-southern-front/ (accessed 29.09.2026).

Tanrisever, O.F. (2013). Afghanistan and Central Asia: NATO's Role in Regional Security Since 9/11. IOS Press.

The Charge in the Soviet Union (Kennan) to the Secretary of State. 861.00/2 – 2246: Telegram. National Security Archive. 22.02.1946. Available at: https://nsarchive2.gwu.edu/coldwar/documents/episode-1/kennan.htm (accessed 29.09.2026).

The Mecca Pact: A New Treaty Organization, Just Like the Old One. Diplomat. 11.09.2026. Available at: https://thediplomat.com/2026/09/the-mecca-pact-a-new-treaty-organization-just-like-the-old-one/ (accessed 29.09.2026).

Trump "very happy" over signing of Mecca Joint Defense Agreement. Anadolu Ajansı. 17.08.2026. Available at: https://www.aa.com.tr/en/americas/trump-very-happy-over-signing-of-mecca-joint-defense-agreement/4029020 (accessed 29.09.2026).

Türkiye rejects East-West divide, Mecca pact not aimed at Iran. Yeni Şafak. 25.09.2026. Available at: https://en.yenisafak.com/world/erdogan-turkiye-rejects-east-west-split-in-foreign-policy-3723744 (accessed 29.09.2026).

«Мекканское соглашение демонстрирует изменение стратегической позиции Турции». ADDR. 17.08.2026. [The Mecca Agreement demonstrates a shift in Turkey's strategic stance. ADDR. 17.08.2026. (In Russian)]. Available at: https://addrmagazine.com/ru/mekke-anlasmasi-turkiye-avrupa/# (accessed 29.09.2026).

Мудурос, Н. (2021). «Голубая родина» и Кипр: коалиция «выживания государства» и меняющаяся геополитическая доктрина Турции в Восточном Средиземноморье // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения 3(21): 459–471. [Muduros, N. (2021). «Blue Homeland» and Cyprus: The «State Survival» Coalition and Turkey's Evolving Geopolitical Doctrine in the Eastern Mediterraneanю RUDN Journal of International Relations 3(21): 459–471. (In Russian)]. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-459-471

Шумилин, А.И. (2021). «Братья-мусульмане» в Европе: между религией и политикой. Часть 1 // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН 6: 147–154. [Shumilin, A.I. (2021). Muslim brotherhood in Europe: between religion and politics. Part 1. Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN 24(6): 147–154. (In Russian)]. DOI: 10.15211/vestnikieran62021147154

Шумилин, А.И. (2022). Шиитские общины в Европе: умеренные vs радикалы. Часть 1 // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН 3: 105–112. [Shumilin, A.I. (2022). Shiite communities in Europe: moderates vs. radicals. Part 1. Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN 27(3): 105–112. (In Russian)]. DOI: 10.15211/vestnikieran32022105112

Шумилин, А.И. (2025). Южный маршрут ленд-лиза для СССР: коварный «нейтралитет» Ирана и Турции // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН 2: 19– 27. [Shumilin, A.I. (2025). The difficult path of the southern lend-lease route for the USSR: the insidious «neutrality» of Iran and Turkey. Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN 44(2): 19–27. (In Russian)]. DOI: 10.15211/vestnikieran220251927